СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

18 июля 1987 г.

Юрий Бондарев

ИСТИНА МНОГОЛИКА...

Эта беседа родилась не сразу: ей предшествовали многочисленные встречи — личные, а также на авторских вечерах, читательских конференциях, совещаниях в Союзе писателей, телефонные диалоги, разговоры после театральных премьер и т. д. Очень запомнилась репетиция в Малом театре пьесы «Игра», написанной Юрием Бондаревым по своему роману. Разговор после репетиции был необычно острым, интересным. Он как бы продолжал и дополнял вопросы, которые были мной подготовлены для беседы с писателем.

— Еще древние мыслители утверждали, что предназначение искусства, в том числе ораторского, а значит, и театрального — «смывать блестящими словами грязь с души»... Остается ли такой же роль театра сегодня! В чем вы видите задачи современной литературы, в частности современной драматургии! Какова, по вашему мнению, роль традиций сегодня в искусстве!

— Нет необходимости доказывать, что театр обладает большой силой воздействия на чувства и разум человека. А началось его колдовство с древних времен — от ритуальных танцев, скоморохов, балагана, народных игр. Наверное, сила воздействия театра чрезвычайно велика потому, что единым дыханием объединяет людей вокруг сцены, делая их участниками и свидетелями, адвокатами и судьями жизни. Слово и поступок героя, если создано определенное настроение, воспринимаются зрительным залом с увеличенным вниманием, соучастие и переживание становятся особо яркими, обостренными, страстными. В хорошем спектакле актер и зритель слиты воедино — пульсирующие токи идут со сцены в зал, из зала на сцену. Зрителя завораживает не только мысль, выраженная в слове, но жест, походка, костюм, грим, свет, декорации, музыка. И в идеале возникает как бы сверхчувство, новое душевное качество, в той или иной степени изменяющее отношение свидетеля и соучастника к действительности. Мысль автора порой с более неотразимой силой доходит до человека, сидящего в зале, чем эта же мысль, прочитанная в книге (все, разумеется, зависит от актера, который на сцене становится и пророком, и толкователем, и судьей). Соединение чувства и близости непосредственной реальности живых поступков — вот что ценно в театре. Добавлю, что искусство подмостков — самое демократическое, самое трибунное, самое древнее, пришедшее к нам от площадных представлений.

Достоевский, приговоренный к смертной казни, замененной затем каторгой, вспоминал позднее, о чем он думал в те крайние минуты на Семеновском плацу. Он думал о Дон Кихоте: это был великий человек, который хотел переделать мир. Ведь Дон Кихот убежденно боролся со злом, наивно желая утвердить добро. Серьезная книга и пьеса — это всегда Дон Кихоты: «ветряных мельниц» в нашей жизни более чем достаточно.

Если говорить о задачах современной литературы, и драматургии в частности, то хочу подчеркнуть, что цели у них неизменны и вечны, хотя в каждом периоде развития общества эти цели имеют свои особенности. Думаю, что в современном мире гибельно пошатнулись вера, надежда, любовь, великая троица человечества, и господствуют наука, технология... и все-таки искусство. Под жестокими ударами утилитаризма искусство и литература пока еще выстаивают. Так или иначе они тренируют и развивают историческую память и воображение, способствуют освоению логических связей между людьми и, что немаловажно в наше время, воспитывают чувство красоты. Книга и театр дают человеку гораздо больше, чем, скажем, голубой экран, потому что сегодня телевизор пока еще не дает нашему сознанию команды думать.

Люди без любви к литературе, к чтению, к театру достойны жалости — они всю жизнь находятся по ту сторону волшебного царства красоты, воображения, фантазии. Что ж, примерно 68% американцев получают значительно большее удовольствие от просмотра телепередач, чем от семьи, природы, религии, друзей, чтения книг, театра и занятий спортом. То есть этим самым они вычеркивают себя из интересов естественной жизни.

В наш век электроники новейший компьютер дает возможность меломану менять музыкальный ритм, фразировку, выключить один или несколько инструментов, и это уже не музыка, не стихийное очарование непостижимым миром чувств, настроением, полетом воображения, но профанация их, наслаждение не видом живой красоты, а скелетом.

Литература и театр хотят проникнуть в суть вещей, в суть характера, в суть красоты — и духовной, и материальной. И вместе с тем им противопоказано быть модным украшением праздного духа.

Я думаю, что литература и театр утверждают категорию самоуважения. Оно возникает тогда, когда человек сознательно делает нечто полезное людям. Серьезное искусство говорит о том, что все мы в этом мире первородно связаны: рождение на свет, боль, голод, смерть — истины не относительные, а абсолютные, как и то, что человек и трагичен, и комичен одновременно. Подлинное искусство всегда было занято вечными вопросами — «детскими» вопросами, как называл их Достоевский. Это вопросы непреходящего смысла жизни: кто мы, что мы, для чего мы на земле, в чем цель нашего существования? А роман и пьеса есть движение от частного к типическому — осмысление и познание мира через опыт.

Вы затронули вопрос о традициях. Могу ответить так: прерываются традиции — мельчает, прекращается и иссыхает искусство. Это все равно что поставить мощную плотину в истоках рек, ожидая, что устье будет полноводным и вокруг него расцветут райские сады. Это вожделение безумца. Ничего не может быть создано талантливого, новаторского, долговременного без путеводной звезды традиции. Эта звезда — вечный огонь Вселенной. Больные сны, патология, бесстилевой поток бессмыслия, болтливое ерничество и шутовство, мелочная игра в слова, фальшивая и мистическая кокетливость красками, изображающая «модерновую» живопись, неистовый грохот сошедшего с рельсов поезда, скрежет железа, крики истязуемых животных вместо музыки — все это подмена, подделка под якобы особое восприятие действительности современным человеком, больным расстройством эмоционального мира.

Если бы не было древнегреческих мифов, античной трагедии, средневековых притч, русских летописей и сказок, самых разных всемирных легенд, если бы не было мастерства древних икон, народной печали песен, то не было бы ни современной литературы, ни живописи, ни музыки. Вся мировая культура связана в единую цепь, все литературы — родные или двоюродные братья, в силу обстоятельств, имеющих национальные свои особенности. Не раз замечал: как только театр резко отрывался от традиции, живые его воды мутнели, появлялось илистое дно с дурным запахом, более того — актеры большого таланта как бы предавали самих себя, перерождались, утрачивали свою индивидуальность, обаяние (независимо — злодей или ангел), исповедуя мораль середины.

Однако страшна официальная, «чиновничья» традиция, которая становится рутиной, символом «нельзя!»

— Когда размышляешь о переводе хорошей прозы на язык сцены, невольно припоминаются слова Н. Г. Чернышевского: «Сценическое искусство, принимая в себя словесный текст, страшно обрезывает и уродует его, чтобы втиснуть в рамку диалога все моменты жизни. Театр безжалостен к поэту». Не пугает ли это вас!

— В середине семидесятых годов я дал себе слово, что не разрешу больше ни одну свою вещь переводить на экран и сцену. Тогда я исповедовал неприкосновенную кристальность романного слова, его единственную форму. Внутренне я запальчиво спорил с Львом Толстым, который в свое время сказал, что эта стучащая, хлопающая штучка (киноаппарат) когда-нибудь выйдет на первое место, обогнав литературу.

Я сопротивлялся, защищая слово в чистоте любимой прозы, преданный ей бесконечно. Но время сильнее нас — как бы мы ни были упрямы, оно заставляет открывать все окна, впуская шум многолюдных площадей и перекрестков. Поэтому, когда два замечательных кинорежиссера А. Алов и В. Наумов предложили мне экранизировать «Берег», я не выдержал и согласился. Не выдержал я и буйного взрыва увлеченности талантливого Б. Голубовского, приехавшего ко мне с почти готовой разработкой инсценировки «Берега» для своего театра. Что касается «Берега» на экране, то я люблю этот фильм за его высокие художнические достоинства, за кинематографическую выдумку режиссеров, за тонкое исследование души человеческой. Такое же чувство я испытываю и к режиссеру театральному — В. Андрееву, крупнейшему мастеру сцены, с которым счастливо свела меня судьба, ибо в наше противоречивое время ничего нет выше взаимного понимания. Работая с В. Андреевым над «Берегом», «Выбором», «Батальонами...» и «Игрой», я научился у него многому, что касается особенностей сцены современного театра.

Я не новичок в театре, поэтому не хотел бы поддаться восторгу дозволенных в иные моменты преувеличений. Однако совсем недавно я посмотрел в Киевском академическом театре драмы имени Ив. Франко спектакль по роману «Выбор» в постановке Сергея Данченко, работу настолько поразившую меня своей неординарностью режиссуры, игры актеров, что все время думаю о том, что еще не иссякла земля большими талантами.

— А как вы оцениваете работу актеров, игравших в спектаклях по вашим произведениям «Батальоны просят огня», «Берег», «Выбор»! Удалось ли им показать ваших героев такими, как вы их задумали!

— Ни один из воплощенных актерами образов, конечно, полностью не совпадал с тем, как я представлял их. Но так должно и быть, потому что литературный образ в соответствии с воображением, опытом и вкусом представляется каждым по-своему. Ни одному из актеров, играющих в моих инсценировках, не могу предъявить претензий. Все они — индивидуальности, более того — собратья по мысли и чувству.

— Почему, с вашей точки зрения, образ кинорежиссера Крымова встретил столь разноречивую оценку критики! Не потому ли, что в нем как бы воплотились взаимоотношения людей в некоторых творческих коллективах! В какой мере автобиографичен этот герой, как и герои других ваших романов!

— Хорошо понимаю, почему некоторые критики отождествляли меня, автора, с Никитиным, Васильевым, Крымовым. Надо полагать, произошло это потому, что я пытался написать своих героев так, как будто исповедуется сам автор, хотя романы написаны от третьего лица. Но эта исповедь — прием: только искренность помогает читателю верить каждому шагу, движению, каждой мысли героя. Поэтому необходимо было как бы слиться со своими персонажами самых разных характеров, в то же время стоять в позиции над ними, но живя с ними и в них. Помню упреки критики в том, что порой неясны в моих героях границы между плюсом и минусом. Здесь бы я хотел напомнить о магнитном поле.

— В вашем романе «Игра» погибает молодая талантливая актриса Ирина Скворцова. Несчастный ли это случай или своеобразный протест против интриг и сплетен, окружающих героиню!

— Один критик утверждал, что Ирина Скворцова — последняя Офелия в нашей жизни... Наверное, он не вполне прав. Мне хотелось в Ирине показать черты душевной неиспорченности, которые, я убежден, есть у нашей молодежи, хотя, как вы знаете, молодежь ругать принято. Я искал эти черты, ничем и ни в чем героиню не приукрашивая. Вместе с тем мне нужно было утвердить ее неразвращенность, ее доверчивость. Поэтому, когда Ирина сталкивается с беспощадной стороной жизни — с черной клеветой, завистью, злой недоброжелательностью, — ее хрупкая чистота не выдерживает гибельного напора... Не правда ли — чистота и добропорядочность чрезвычайно хрупкие вещи? Грубость, навет, оговор, наглость чрезмерно активны, и кажется, что они одерживают победу: чистота подчас гибнет, соприкасаясь с ними. Но я хотел сказать, что уход Ирины из грязи жизни — это нравственная победа, а не поражение. И это пытается понять Крымов.

— Если бы роман и пьеса «Игра» писались сегодня, могли бы вы изменить финал!

— Ни за что. Если роман кончается так, как написан, значит, он так и должен был кончиться. Как только я «оживил» бы своего героя, то пошел бы по стопам тех «перестройщиков», которые, желая угодить сомнительному вкусу, пристраиваются и подстраиваются под моду персонажей из «домашних» пьес.

◇

...Репетиция «Игры», с которой мы начали нашу беседу, происходила в конце весны, а недавно мы вновь встретились с Юрием Бондаревым в Малом театре на черновом прогоне спектакля. Идет сцена разговора Крымова с американским кинорежиссером Гричмаром. Его играет Р. Филиппов.

— Какое точное совпадение! — говорит Юрий Васильевич.—Вот он, русский человек, и вот он, типичный американец. Мне именно хотелось подчеркнуть в этой сцене общность думающих о современной цивилизации творческих людей, независимо от их государственной и национальной принадлежности. Сейчас самое главное — понимать друг друга!..

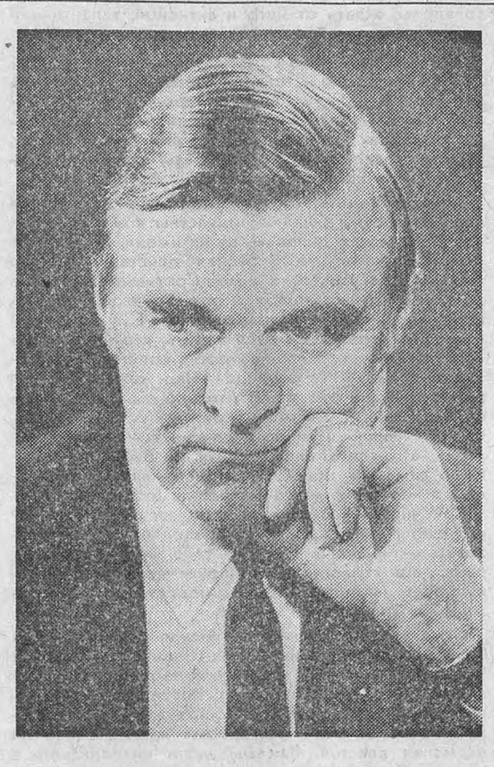
◇

— После прочтения «Выбора» и «Игры» и после театра все-таки возникает невеселое чувство. В семье Васильевых и в семье Крымовых нет полного взаимопонимания. Где же его тогда искать!

— Разумеется, мне горько, что жизнь так трудно складывалась в семье Васильевых и Крымовых. Надо только помнить, что в современном мире человеческие отношения и осложнились, и упростились, и опошлились. Даже любовь видоизменилась. Увы, это уже не та любовь, что была в девятнадцатом веке. Сцена в «Выборе» — около голландки (ее нет в инсценировке) — это праздник, который приходит к героям из прошлого. Любовь — самое высокое чувство в нашей жизни — разрушается, к сожалению, «технологической цивилизацией» не на одном Западе. Мои иностранные переводчики говорили мне, что «Выбор» и «Игра» легко впускают в себя, но с трудом выпускают. Писать же простые вещи в наше время бессмысленно. Мы настолько перенасыщены событиями, человеческими болями, нелепостями и ожиданиями, что писать однозначно — архаизм вредоносный, непростительный. Если вы ищете в книге только бесполезное удовольствие и «убийство времени», то надо бездумно почитывать на сон грядущий Берроуза и Террайля. Если вы хотите понять суть мужчины и женщины, добра, любви, предательства, зависти, в чем соль бытия, в чем смысл жизни и смерти — читайте Толстого, Шолохова, Булгакова.

— Как вы объясните понятие «красота» в современном мире!

— Действительно, что такое красота? Летние облака, белизну которых мы видим, отраженную в синеве озера? Или это последняя антоновка, плавающая в кадушке, наполненной осенними дождями? Или это свет высокой октябрьской луны? Или это опавшие листья, вмерзшие в первый ледок утренних заморозков? Что это — красивые черты лица, правильность линий человеческого тела либо доброе действие, поступок? Как определить сущность красоты? По признаку внешнему? По признаку внутреннему?



Убежден, что красота — это доброе движение души, справедливый поступок, стремление к совершенству, справедливости, честности, что вызывает у нас эстетическое отношение к этому поступку, и он, поступок, воспринимается нами как радость, как наслаждение, как сопричастность не очень счастливому человечеству. Для большинства людей, нравственно здоровых, есть один ни с чем не сравнимый учитель красоты, вселенский мастер, законодатель прекрасного — это природа. И никакая другая красота — ни искусство, ни архитектура, ни самые расчудесные предметы и вещи — несравнима с ней, так как они лишь пытаются подражать красоте мироздания, напрасно и подчас зло завидуя мудрому величию природы, грабя и разрушая ее неразумным и неумелым сговором с техникой. Беда в том, что сиюминутная выгода, страх, карьеризм, пускание пыли в глаза, жадность, легкомыслие, нетерпеливость толкают человека на отвратительно грубое извращение, насилие, на истребительную войну с природой, а именно — на разрушение собственного дома, на безудержное безумие. Наши бодрые журналисты еще недавно с восторгом писали: «штурм Волги, Днепра», «усмирение Ангары», «покорение Енисея» (можно предположить, с каким административным вожделением, равным разрушительному самообману, ожидают некоторые водные ведомства новый заголовок «Штурм Катуни», то есть умертвление одной из красивейших рек в мире, над которой нависла смертельная угроза легкомысленных, но энергичных покорителей). С какой стати штурм и почему именно усмирение и покорение? Неужто кормилица и поилица Волга — враг, противник, злыдень, которого надобно штурмовать и покорять? Давно настала пора прекратить эту демагогическую журналистскую глупость во имя спокойной, деловой серьезности. Когда человек скрывает в себе искреннее чувство радости и доброты, он поступает против естества, потому что хочет скрыть в себе красоту истины. Но вместе с тем красота бывает и радостной, и скорбной, и милосердной, и беспощадной.

Чем больше людей будут чувствовать красоту, тем больше будет в жизни чистого и тем мы будем внимательней друг к другу — потому я глубоко верю, что неподкупная красота правды объединяет нас.

— Почему ваши герои очень много рассуждают о смысле жизни, о поисках истины и т. д.!

— Главной задачей человечества всегда было стремление внести в мир целесообразность, то есть придать цель и смысл мироустройству. Без этого наша жизнь становится похожей на движение в никуда. Но если бы завтра явился пророк и мы услышали бы из его золотых уст все истины — мы не поверили бы ему. Потому что смысл жизни — в постижении истины. Бескорыстие и мудрость долго будут бороться с хитростью. Но я верю, что чаша весов, нагруженная здравомыслием, мужеством, красотой, справедливостью, все же перевесит. Человек, лишенный этих добродетелей, становится никем и ничем, и в конце концов все бури и слева, и справа гибельно обрушатся на него — и не будет сказано ни одного доброго слова о жизни и смерти его.

Может быть, сейчас книги пишутся и пьесы ставятся для того, чтобы сообщить чересчур успокоенным сытостью людям беспокойство. Лев Толстой, до конца жизни проповедуя опрощение и самоусовершенствование, считал, что смысл бытия — в **увеличении** любви людей друг к другу. Я же глубоко убежден, что человек как личность осознает себя в трех измерениях: в действии героическом (в преодолении), в поиске истины и в раскаянии. Истина многолика, и мы открываем только частицу ее.

— Верно ли, что честолюбие и доброта — понятия несовместимые!

— Я думаю, честолюбие и добро — понятия совсем не противоположные. В первозданном понимании честолюбие — это не тщеславная мелкая суета, не жажда эгоистической любви к себе. Любить честь — какое благородное соседство слов! Офицерская честь, рабочая честь, честь революционера, честь журналиста, честь министра — речь идет о добропорядочности, достоинстве, самоуважении, о честных поступках. Я за это гордое честолюбие.

— Что такое любовь! Какое определение вы дали бы этому чувству!

— Есть любовь вселенская, всечеловеческая, по Толстому — твори для всех добро! И есть высший закон природы — любовь мужчины и женщины, чувство всесокрушающее и хрупкое, сугубо индивидуальное и тайное, пока еще более тонкое и действенное, чем любовь умозрительно общечеловеческая. Я — за эту любовь, ибо она творит добро вселенское, национальное и вненациональное. Это знак неба.

— В романе «Выбор» есть натуралистические сцены — на сеновале и описание самоубийства Рамзина. В инсценировке этих сцен нет. Так ли они были необходимы в прозе!

— Мне кажется, что любовная сцена на сеновале написана вполне пристойно при всей ее откровенности. Однако нельзя забывать, что все здесь обострено войной. Что касается необычной смерти Рамзина, то мне нужна была эта «деталировка» — бритва, ванная, кафель, кровь на зеркале и т. п., для того чтобы объяснить всю трагичность выбора Ильи. Подробности — свойство прозы.

— Что вы скажете о западной масс-культуре!

— Масс-культуру Запада можно назвать чеком, покупающим и подкупающим все с тою же древней силой, которой обладают лесть, обещание и ложь. Двери же перед правдой и здравомыслием остаются часто непроницаемо закрытыми. Человек раздавлен мировой рекламой, создавшей идею ложных кумиров, — масс-культура, как купленная отсрочка перед концом света (насилие, жестокость, непристойность), — по американскому образцу.

Сопротивление министра культуры Франции Ланга засилью американской вседозволенности, почти задушившей в своих жестоко-сладких объятиях французский кинематограф, литературу и музыку, окончилось ничем, кроме мизерной победы — американцы милостиво разрешили французам дублировать свои фильмы. В то же время, мечтая привести весь мир к единому своему колониально-культурному знаменателю, американские радиопередачи допускают не больше одного процента иностранной музыки. Да, будучи в США, я заметил — американцы патриоты до шовинизма.

Не ради плакатного контраста хотел бы сказать, что сущность современной нравственности всякого думающего человека — это протест против одурачивания мира масс-культурой, видя в этом сопротивлении спасение душ человеческих, всемирное братство подлинных культур.

— Как вы относитесь к моде, к западным ритмам, увлечению части нашей молодежи роком!

— Уже десятки лет в мире происходит духовное загрязнение. Когда я говорю об этом, то вспоминаю и о современной панк-музыке, которая начинает господствовать над умами подростков, но что нельзя просто «отрицать» методом запрета. Кто навязал эту музыку нам? Радио? Телевидение? Наши комсомольские издания? Западноамериканские голоса? Каждый увлекающийся этой музыкой должен когда-нибудь сам понять (именно сам), кто изобрел ее, во имя чего и к чему она приведет, какой в ней смысл. Неужели у нас мало умственно нездоровых людей, заблудившихся, споткнувшихся, разочаровавшихся во всем неудачников, возлюбивших чужое, темное, смутное, но притягивающее своим растленным безумием? Неужели следует оглуплять человека и выказывать его инстинкты, его жажду насилия, жажду разрушения, его рептильность, еще живущую в нем? Неужели так сладострастно уничижительно подбирать отбросы соседней масс-культуры, навязанной молодежи практичными, сухими, бесстрастными людьми, любящими только одно — шелест купюр?

Впрочем, молодежь, увлеченная ложной, ядовитой и разрушающей душу модой, завезенной к нам из-за бугра, кем-то из недругов молодежи поддержанной и утвержденной, сама сделает вывод через некоторое время, если еще до этого времени не произойдет полная американизация музыки и полная гибель разума. Все страны мира, кроме нас, решительно борются против этой «культурной колонизации», «культурного терроризма». Мы же, отсталые, сирые, слишком застенчивы, слишком рабски почтительны к чужой моде и не ведаем, молясь в чужую сторону, что здесь нас закуют в кандалы заморские и мы уже потом не сможем произнести ни одного слова на родном языке.

— Какое содержание вы вкладываете в понятие «любовь к Родине»!

— Я думаю, что каждый вкладывает в понятие «любовь к Отечеству» нечто личное, пережитое, выстраданное, осознанное, порой инстинктивное. Конечно, невозможно сразу вообразить наше огромное Отечество, огромную нашу землю от Ледовитого океана до Черного моря, от Охотского моря до Балтийского, — трудно представить все это необъятное пространство. Ведь человеческое воображение подчинено не географическим просторам, а какому-либо сокровенному воспоминанию. Может показаться странным, но в годы военные мне вспоминался родной дом по запаху, по свету, по звуку — вдруг приходил запах вымытых праздничных полов или мокрого асфальта после апрельского дождика, вдруг — порывистый шум листвы, освещенной осенним солнцем, напоминал двор в Замоскворечье: липы у забора, ступени крыльца, заваленные листьями. Очень часто чувство своего Отечества, своей Родины приходит через ощущение места, через саму природу, ее красоту, которая охватывает человека всего. Чувство Отечества — это и великое чувство любви к своей культуре, к истории своего народа.

— Читая ваши прежние произведения, мы определенно могли говорить о положительных героях. Волновала ли вас проблема положительного героя при работе над «Берегом», «Выбором» и «Игрой»!

— Нет в природе ни положительного, ни отрицательного героя. Это понятие было сочинено худосочными теоретиками в давние годы, но до сих пор играет роль спасательного круга для неискренних ортодоксов. Положительно прекрасный человек — мечта Достоевского и многих из нас.

— Как вы относитесь к критике нашей современной литературы!

— Вероятно, это странно прозвучит, но для меня критик — это художник, который должен быть другом писателя, какие бы упреки он ему ни предъявлял. Вожделенно мечтаю, чтобы критик был просветителем и толкователем, которому должны верить. К горькому сожалению, некоторые теоретики литературы настолько дискредитировали себя, что когда появляются в печати их фамилии, то уже заранее можно сказать, что подписанные ими статьи не посетит правда оценки. И здесь я хочу повторить обобщающие слова Михаила Сергеевича Горбачева, сказанные им на недавней встрече с руководителями средств массовой информации и творческих союзов: «...поднимайтесь выше своих эмоций и своих удобств и удобных стереотипов. Поднимайтесь и думайте о народе, об обществе».

Я не раз думал, почему наш читатель мгновенно покупает книгу, получившую скандальный отрицательный отзыв, и более или менее равнодушно проходит мимо книги, восторженно расхваленной в прессе? Это явление нельзя объяснить одним обывательским интересом, желанием вкусить всегда соблазнительный запретный плод. Подобное объяснение было бы крайне плоским, похожим на упрек читателю в недостаточном духовном его уровне. Просто искренность нашей критики долгое время была «персоной нон грата».

— Обрела ли она искренность сейчас!

— Я более чем не уверен.

— Ваш творческий импульс!

— Мне хотелось бы что-то изменить в мире в лучшую сторону.

— Почему вы избрали главным героем «Берега» — писателя, «Выбора» — художника, а «Игры» — кинорежиссера!

— Это было моей задачей. Люди этих профессий чувствуют ожоги действительности особенно болезненно.

— Думали ли вы после войны, что станете знаменитым писателем!

— Человек, пишущий стихи или прозу, всегда мечтает стать известным писателем.

— Как вы относитесь к «богоискательству» в романе Чингиза Айтматова «Плаха»!

— Вспоминаю те же упреки в адрес других писателей. Стоило Айтматову вспомнить библейский миф, как мгновенно нашлись оппоненты святее всех святых, которые начали упрекать писателя в новом «богоискательстве». Смешно это и грустно.

— Что для вас значит поставить точку в конце романа!

— Конец романа... В течение работы нужно думать об этом конце все время. И нужно уметь вовремя поставить точку. Не помню, у кого из западных писателей двадцатых годов в романе идет долгое описание критического состояния человека в преддверии ухода. Затем последняя фраза: «Потом он умер». И эта простая фраза необычно трогает. Почему? Потому что писатель подготовил вас к исходу героя — и вы верите этой прямой, нехитрой, чересчур раздетой фразе, которая, казалось бы, так упрощает, так снижает трагический акт смерти.

Помните последние фразы чеховских пьес? Или пьес Сухово-Кобылина, Островского, Горького? Недаром говорится: конец — всему делу венец. В этом венце — алогичность жизни, предчувствие апокалипсиса, раскаяние, вера, надежда. Конец плох тогда, когда перед человеком намертво опущен шлагбаум.

— Что вы думаете о «великих» и «невеликих» в искусстве!

— Не будь Потапенок и Боборыкиных, не возвышался бы вершиной в пленительном осиянии талант Чехова. Читателю стало бы неуютно и, вероятно, скучно среди одних вершин. Единообразие, к сожалению, даже великое, противоестественно жизни. Природе свойственно вносить поправки и уточнения. Как известно, последний отбор великих производит вседержитель истины — Время, проходя по равнинам и холмам к сверкающим пикам гор. Стендаль был фактически открыт через сто лет.

Да, есть закономерная необходимость равнин и холмов как в самой природе, так и в природе литературы (масштабы разных вкусов, склонностей, пристрастий), поэтому повторю: одинаково томит и бесконечное однообразие степи, и бесконечное величие гор. Но есть и другая сторона во взаимоотношении «великих» и «невеликих».

Когда Антони Берджесс, модный английский литератор, с высокомерием пишет, что Лев Толстой был романистом из того же стана, что и Оливия Мэннинг, то нет смысла удивляться и доказывать, что это несравнимые величины. Оливия Мэннинг со своими любовными каирскими сценами в год битвы за Сталинград — посредственная писательница, а литературный гений, равный Льву Толстому, не украсил английскую литературу, как бы хороша она ни была. Надежда Антони Берджесса в конце концов разрешится ничем, подобно тому, как попытка особенно беззастенчивых современных судей спутать, смешать талант с бесталанностью и таким образом снизить европейские и мировые высоты. Маловероятно, что Берджесс обратился к Льву Толстому только для того, чтобы излить желчь на русских классиков и посредством риторических окислов отравить к ним любовь читателя. Однако разъедающей кислотой пропитаны не столько его суждения, сколько некоторые литературоведческие работы и критика в нашей литературе о Пушкине, Лермонтове, Гоголе, Достоевском, Бунине, Шолохове, Булгакове, со «злой завистливостью» к гениям старающиеся возбудить хотя бы частичку неприязни к ним через отдельные фразы о «развращенности», «скандальном характере», «болезненных склонностях», через не предназначенные для опубликования интимные письма (неверный супруг, вертопрах!), через денежные счета в записных книжках (экий, мол, скряга!), через кулуарные остроты (его не любили!), через домыслы и кухонную клевету «исследователей», пытающихся с коварной целью «вывихиванья умов» унизить свою национальную культуру. Но ясно же — все великое и талантливое неустранимо.

— Ответьте, пожалуйста, чего все-таки, на ваш взгляд, не сумела сделать наша литература!

— В нашей литературе так и не состоялся хороший бытовой роман о 30-х годах, несмотря на отчаянные попытки в наши дни вернуться к теме того сложного времени.

Я знаю только три романа на великую тему возвращения с фронта. Нет, мы не написали предупреждающую картину возвращения человека в жестокий и перевернутый вверх ногами мир, полный соблазнов и несвершившихся надежд. Мы тогда глубоко не задумывались, хотя искали герою место под солнцем в разрушенном доме, где уже подтачивалась нравственность, истончалась объединенность военной поры, где уже видны были истоки всех горьких нынешних бед. Мы не создали крупного романа о современном «ученичестве», то есть не была написана история молодого человека, сталкивающегося с угловато-острой неласковостью бытия. В то время как начиная с XVIII века этой теме посвящены лучшие романы русской и западной классики. Много мы еще не сделали. Но можно ли сделать все?..

— «Игра» — грустный роман. Так задумано или это произошло помимо вашей воли!

— Помимо моей воли ничего не происходит.

◇

...Надо мной звездное небо, а в груди моей нравственный закон — примерно так говорил Кант. То есть перед вечностью мы все должны чувствовать равную ответственность. Нравственный закон — ответственность людей друг перед другом. Не будь этого закона — и останется одна жестокость и грязь. Поэтому я сочувствую всем своим героям, в том числе и «отрицательным», по определению ортодоксов.

Каждый день миллионными тиражами выходят газеты и книги. Газеты умирают мгновенно — на другой день. У книг — разная судьба. Литература — познание мира словом. Если бы не было такого феномена, как искусство, в этом мире многого бы не хватало, он был бы весь заполнен вещами и предметами, которые задушили бы людей, пресытив их.

Говорят: суждение одобряется тем, кто хочет высказать мысль. Иногда же суждение надо отложить или вовсе воздержаться от него. Я не хочу откладывать свои суждения ни в романах, ни в пьесах.

«Мне отмщение, и аз воздам» — вы, конечно, помните этот эпиграф к «Анне Карениной»? Что это значит? Во всем нравственная граница, которую не перейдешь, — так расшифровал его Толстой. А именно: человек несет ответственность за все деяния свои. Да, в жизни один критерий — нравственный закон. Главное, чтобы каждый рано или поздно осознал и понял себя, других, жизнь, Вселенную...

Беседу вела
Валентина ЖЕГИС.
Фото Н. Кочнева.